

Весь Ленинград. — 1990. — 2 июля.

СНИМАЕТСЯ КИНО

Марина Влади: Мы еще встретимся!

Всего каких-то двадцать лет прошло с тех пор, как мы видели на советском экране в советском фильме Марину ВЛАДИ. И вот новая работа — в ленте Евгения Татарского «Пьющие кровь» («Ленфильм»). Временной марафон от плетельной линии Мизановой успешно завершился ролью бабушки-вампира...

Признаюсь, меня мало волнуют проблемы вампиризма и в этом вербальном тандеме интересуют скорее первое слово. С него и началась наша беседа с кинозвездой в перерыве между съемками.

— Марина, вы впервые играете бабушку?

— О, не-е-т! (Марина Влади слегка тянет гласные. Наверное, оттого ее русский очень мелодичен). Я уже играла в театре бабушку Маркеса, столетнюю, огромную. К тому же я сама стала бабушкой.

— ?

— У моего младшего сына Владимира родилась дочь, моя внучка, Ваня. Я так рада, наконец-то в семье появилась девочка.

— Вы хотели дочь?

Марина уточняет:

— Я жалею, что не было дочери.

— Трудно быть матерью трех сыновей?

— Очень. Я мать не строгая, но жесткая, они меня слушаются, мы дружим. Это младший живет далеко, в Америке, а Петя и Игорь со мной в Париже.

— Они актеры?

— Нет, они артисты. Это шире. Оба хорошо рисуют, а Игорь прекрасный гитарист. Предполагалось, что Петя будет играть вместе со мной в этом фильме, но его не отпуе-

тили из театра — он играет в «Сирано» вместе с Бельмондо.

— Сыновья говорят по-русски?

— Они понимают все, и если бы пришлось пожить в Союзе несколько месяцев, то заговорили бы. Я тоже сейчас плохо говорю, а вот к концу съемок все восстановится.

— Вы прекрасно говорите. А на каком языке вы думаете?

— Здесь — на русском. Так удобно.

Мое заранее обдуманное намерение не касаться в разговоре всего, что связано с Владимиром Высоцким, — пошло прахом: кто-то вклинился в беседу и попросил Марину подписать фотографии, где она не одна... А беспокойно молчавший до этого Баннионис (он, как выяснилось, играет в новом фильме дедушку) вдруг не выдержал и принялся настойчиво выяснять обстоятельства смерти Высоцкого... И Марина вежливо, но без эмоций, стала пересказывать главы из своей книги «Прерванный полет».

Надо было срочно спасать положение. Разговор неминуе-

мо уходил в сторону.

— Марина, вы писали еще?

— Да-а. У меня уже вышло три книги, и они хорошо расходятся. Я написала «Рассказы для Милицы», это тоже биографическая книга. Я написала ее после смерти моей сестры Милицы и попыталась поговорить с ней обо всем, вспоминая в коротких главках тех животных, которые когда-то были в нашей жизни.

— А третья?

— О. Это роман. Печальный. О любви и непонимании. Он называется «Венецианский коллекционер». Это о двух людях — известной старой актрисе и ее молодым почитателе. Очень грустная история.

— Вы легко пишете?

— О, не-е-т! Очень трудно. Я должна сразу от всего отключиться, лучше всего — уехать куда-нибудь и работать там по десять часов в сутки. Вот тогда что-то может получиться.

— Вы давно пишете?

— Это все началось пять лет назад, когда не было больше сил терпеть, как лживо отражают Володю во всяких воспоминаниях, делают из него всем приятного парня. Я должна была сказать правду о нем. Так это и началось.

— Каковы же ваши творческие планы? Вы будете писать для Ванины?

Марина как-то особенно тепло улыбнулась:

— Не знаю, я еще не думала об этом. А вообще у меня задуман еще один роман. Ско-

ро сяду за работу.

Перерыв заканчивался, а еще ни одного вопроса не было задано собственно об актерской сути Марины Влади. Я все-таки успела спросить:

— Марина, а как вы относитесь к диктату режиссера на площадке?

— Абсолютно спокойно. Он хозяин фильма. И я должна делать все так, как он говорит, он за все отвечает, мне не стыдно выполнять все его

указания. Но вот когда я сажусь писать, то уж тут все мое, и я не разрешу ни буковки исправить в том, что получилось у меня!

Всех позвали на площадку. Марина легко поднялась, улыбнулась:

— Мы еще встретимся!

Беседовала
С. КОЛОМОЕЦ

На снимке: Марина Влади на съемках фильма. Фото А. МАЛЬЦЕВА